

В. Т. Фаритов

Ульяновский государственный технический университет

**Идея вечного возвращения и нигилизм в лирике Ф. Сологуба:
sanguine et aqua ***

Рассматривается специфика художественного воплощения идеи вечного возвращения и нигилизма в лирике Ф. Сологуба. Идея вечного возвращения представляется в качестве центрального мотива лирики Сологуба, основное значение которой заключается в преодолении нигилизма и эстетики декаданса. На материале анализа отдельных поэтических текстов эксплицируется связь данной идеи с христианскими и языческими мотивами. Раскрывается связь мотива вечного возвращения в лирике Ф. Сологуба с лирикой А. С. Пушкина. При работе со стихотворными текстами используется методологический подход мотивного анализа, предложенный Б. М. Гаспаровым. Автор статьи уделяет особое внимание экспликации философских аспектов поэзии Ф. Сологуба. Подробному анализу подвергаются ницшеанские мотивы лирики Ф. Сологуба, также учитываются концептуальные разработки современной философии.

Ключевые слова: Сологуб, вечное возвращение, нигилизм, декаданс, Пушкин.

Русская философская мысль и художественная литература конца XIX – начала XX в. испытала мощное влияние учения Ф. Ницше¹. Одним из тех, кто воспринял философию немецкого мыслителя, был Ф. Сологуб². Прежде всего, в его творчестве получили художественное воплощение идеи вечного возвращения³ и нигилизма, которые были не просто усвоены поэтом, но творчески переосмыслены и органически вплетены в ткань его поэтического мирозерцания. Рассмотрим

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-34-11045.

¹ О влиянии идей Ф. Ницше на русскую философию и литературу см.: [Компанеев, Степаненко, 2008; Кондаков, Корж, 2000; Синеокая, 1999; Философия жизни..., 2013].

² О знакомстве Ф. Сологуба с работами Ф. Ницше см.: [Неизданный Ф. Сологуб, 1997].

³ Об идее вечного возвращения в лирике Ф. Сологуба см.: [Григорьева, 2000; Кокурина, 2012].

Фаритов Вячеслав Тависович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета (ул. Северный Венец, 32, Ульяновск, 432027, Россия; vfar@mail.ru)

специфики художественного воплощения идей вечного возвращения и нигилизма в лирике Ф. Сологуба посвящена настоящая статья.

В «Цыганах» А. С. Пушкина отец Земфиры пытается утешить Алеко следующими словами:

К чему? Вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь [Пушкин, 1960, т. 3, с. 174].

Последний стих представляет собой определенную формулу понимания сущности времени. Время осмысливается здесь как поток сменяющих друг друга моментов. Каждый миг безвозвратно исчезает, вытесняемый другим, который также уходит в небытие. Старик находит в этой мимолетности существования особую мудрость: все течет, все проходит и потому не стоит пытаться удержать что-либо⁴. Необходимо не сопротивляться безвозвратному течению времени, но отдаваться потоку существования, спокойно и бесстрастно созерцая его игру. Эта «стоическая» мудрость оказывается недоступной Алеко. Подобно гетевскому Фаусту, он хотел бы остановить мгновение, устранить преходящий характер земного бытия. Такая позиция приводит его к убийству и окончательной духовной гибели.

Если Алеко стремится к бесконечному утверждению своего «я» вопреки потоку времени, то старый цыган растворяется в этом потоке, отказываясь от самоутверждения. По сути, такой способ существования оказывается не менее уязвимым, чем позиция Алеко. Сначала от старика уходит его возлюбленная, потом он теряет дочь. Едва ли его созерцательную жизнь можно назвать счастливой. Старик не является эпическим героем, поскольку эпическая ситуация предполагает единство индивида с субстанциальным началом (духом народа), на основе которого субъект может занимать активную позицию в мире [Гегель, 2007, с. 365–426]. Но цыгане у Пушкина – это еще не пришедший к сознанию своего духа народ: они едины не с духовной субстанцией, но с природой («природы бедные сыны»). Поэтому и мудрость старого цыгана скорее напоминает буддистское самоотречение, которое в европейской философии станет исповедовать А. Шопенгауэр. Это – пассивный нигилизм, в то время как позиция Алеко может быть охарактеризована как нигилизм активный⁵. И то и другое делает человека беззащитным в экзистенциальном плане:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!.. [Пушкин, 1960, т. 3, с. 180]

Необходимо найти другой способ существования во времени, который, с одной стороны, не предполагал бы отрицание его конечности (Алеко, Фауст), а с другой стороны, не был бы пассивным растворением в исчезающей череде мгновений (Старик). Такая позиция представлена в идее вечного возвращения, которую Ницше мыслил в качестве способа преодоления нигилизма. Уже в возрасте четырнадцати лет он формулирует эту идею в своем дневнике: «Ведь навеки не угаснет этой жизни милый сон; и когда-нибудь, с весною, снова мне приснится он!» [Ницше, 2014, с. 66]. Пушкин обратился к этой идее еще до появления Ницше⁶. Русский поэт отнюдь не был склонен принимать формулу старого цыгана

⁴ О философских мотивах «Цыган» см.: [Мережковский, 2007, с. 249–253].

⁵ О пассивном и активном нигилизме см.: [Делез, 2003].

⁶ Об идее вечного возвращения в лирике А. С. Пушкина см.: [Фаритов, 2014].

«Что было, то не будет вновь». Ключевое слово пушкинского понимания времени – «вновь»:

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный, –
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор [Пушкин, 1960, т. 3, с. 158].

Ф. Сологуб уже был знаком с сочинениями Ф. Ницше и, соответственно, идея вечного возвращения в его поэзии выступает прямым следствием рецепции учения немецкого философа. Однако мотив вечного возвращения в лирике Сологуба является не только ницшевским, но и пушкинским.

В стихотворении 1907 г. Сологуб дает поэтическую формулу вечного возвращения: «Что было, будет вновь. / Что было, будет не однажды» [Сологуб, 1999, с. 371]. Это тот ответ пушкинскому цыгану, который не смог дать Алеко, тот ответ, который бы привел его к освобождению. У Сологуба данная формула представлена еще раз в первой части трилогии «Творимая легенда»⁷: «Свет луны был сладкий и загадочный. Она улыбалась неживым ликом и говорила, такая спокойная: – Что было, будет вновь. Что было, будет не однажды» [Сологуб, 1991]. Луна – это «лунная мечта», Лилит, один из центральных образов мифопоэтического мира Сологуба. Например:

Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою – луною,
Тихо всходит и скользит [Сологуб, 1999, с. 397].

В третьей части трилогии Сологуб поясняет метафизическое значение образа Лилит:

Всегда человеку даются две жены и даются ему вечно две истины. Как эти две истины, неслиянные и нераздельные, вечно враждебные одна другой, и вечно в тайном, неведомом союзе одна с другою, так и две жены человека всегда враждуют одна с другою. Только изредка какой-нибудь одной из них дается понимание их извечной, роковой близости. Первая жена – лунная мечта Лилит, обвеянная тишиною и тайною, подобными тишине и тайне могилы. Это – вечная Сестра, родная и далекая, таинственная Подруга, неведомая Спутница, всегда зовущая его в далекий путь. Вторая ему жена – солнечная, голубая, золотая Ева, Елисавета. Это – вечная Любовница, чужая, но близкая, Госпожа его дома, Мать его детей, всегда влекущая к его успокоению [Сологуб, 1991].

С точки зрения теории К. Г. Юнга речь здесь идет о двух аспектах архетипа Анимы [Юнг, 1998]: Лилит – негативная Анима, Ева (Елисавета) – позитивная. Обе суть две стороны одного архетипа или, точнее, разные функции, которые данный архетип может выполнять в психологии мужчины. Позитивная Анима

⁷ О трилогии см.: [Слободнюк, 2011].

выполняет функцию посредника между эго и бессознательным, что обеспечивает эффективное существование во внешнем мире. Негативной Анима становится в том случае, когда обретает безграничную власть над сознанием, побуждая его уйти из внешнего мира и раствориться в царстве бессознательного. Такое растворение равнозначно смерти, поэтому образ Лилит у Сологуба неизменно связан со смертью, что мы увидим ниже и в рассматриваемом стихотворении.

Два следующих стиха первой строфы вводят мотивы смерти и воскресения:

С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды [Сологуб, 1999, с. 371].

Образный ряд этих строк напрямую отсылает к Евангелию. «Но один из воинов копьем пронзил ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн 19: 34). Уста, томящиеся от жажды, – это уста распятого Христа: «После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду» (Там же). Формула «что было, будет вновь» приобретает дополнительные смысловые оттенки. Будет вновь: распятие, жажда, протыкание копьем, кровь с водой. Однако в стихотворении о Страстях Христовых говорится как о личном деянии: глагол в форме первого лица указывает на активное действие субъекта. Лирический герой как будто сам хочет выступить одновременно и в качестве распинаемого, и в качестве распинающего. Речь идет об акте самораспятия как имитации крестной смерти Христа. Историческое и одновременно метафизическое событие, описанное в Евангелии, приобретает статус личной судьбы, которая добровольно избирается героем: так же, как Христос добровольно принял свою судьбу, предсказанную Писанием. Вновь повторяется, вновь возвращается момент выбора и принятия своей судьбы, момент смерти и воскресения. Вот то, что было и должно быть вновь и не однажды. Речь уже идет не о повторении событий частной жизни отдельного лица. Происходит пересечение трех временных пластов: пласт исторического времени (распятие Христа как историческое событие); пласт метафизического времени (распятие Христа как исполнение воли Бога, как вочеловечение Бога, его смерть и воскресение); пласт индивидуального времени (распятие как личная судьба отдельного человека). Все эти разнородные временные пласты собираются в одну точку, сливаются в одном моменте. Так настоящее оказывается расширенным до истории и вечности, а вечность и история присутствуют в настоящем. Так индивидуальная судьба оказывается расширена до судьбы общечеловеческой и божественной, а последние фокусируются в судьбе индивидуальной. Именно этот момент наивысшего наполнения бытия и подлежит вечному возвращению, составляет его содержание.

Следует, конечно, учитывать, что христианское время по своей сути не есть время вечного возвращения. Оно является временем эсхатологическим, направленным на достижение конечного пункта: Страшного суда и наступления Царствия Божьего. Правда, это лишь один из вариантов понимания времени в христианстве. Возможен другой подход, согласно которому и Страшный суд, и смерть и воскресение не отдалены от настоящего неопределенным горизонтом будущего, но происходят сейчас, в каждый момент существования. Точно так же возможно и вечное возвращение понять как некую отдаленную временную перспективу: в каком-то будущем все повторится (а это будущее может прийти лишь через миллионы, миллиарды лет и, следовательно, не имеет особого значения для настоящего). Но это неверное понимание идеи вечного возвращения⁸. Повторение происходит уже сейчас, в настоящем, в каждый миг бытия. Каждый момент существования повторяется не в будущем, а уже в настоящем. Он и есть это повторе-

⁸ На неправомерность такой трактовки вечного возвращения указывал М. Хайдеггер (см.: [Хайдеггер, 2006; 2007]).

ние, вечность, присутствующая в настоящем. Подобное прочтение позволяет сблизить евангельскую идею смерти и воскресения с идеей вечного возвращения. Сближение учения Ницше с религиозной мыслью вообще является одной из отличительных черт восприятия учения мыслителя в русской философии и литературе [Ницше: Pro et contra, 2001]. Дискуссионный вопрос о правомерности и границах такого сближения мы оставляем здесь открытым, так как он выходит за рамки задач настоящего исследования.

Вторая строфа открывает вторую часть стихотворения Сологуба, состоящую из четырех строф.

Придет с высоких гор.
Я жду. Я знаю, – не обманет.
Глубок зовущий взор.
Стилет остер и сладко ранит [Сологуб, 1999, с. 371].

«С высоких гор» – это заглавие стихотворения Ницше, которым завершается его книга «По ту сторону добра и зла» – «Aus hohen Bergen», в котором говорится об ожидании прихода друзей:

Oh Lebens Mittag! Feierliche Zeit!
Oh Sommergarten!
Unruhig Glück im Stehn und Spähn und Warten: –
Der Freunde harr' ich, Tag und Nacht bereit,
Wo bleibt ihr Freunde? Kommt! 's ist Zeit! 's ist Zeit! [Nietzsche, 1967]

«Я жду» – почти прямая отсылка к процитированной выше первой строфе стихотворения Ницше: «Der Freunde harr' ich». М. М. Павлова сообщает, что с произведениями Ницше Сологуб был знаком до появления первых переводов на русский язык [Неизданный Ф. Сологуб, 1997].

На вопрос, кого ждет герой с высоких гор, можно ответить, обратившись к «Творимой легенде». Это луна, лунная Лилит:

Если ее опять долго и страстно и с великою властью зовут, так неохотно она приходит. И говорит человеку:

– В роковой час отошел ты от меня. Холодным поцелуем со мною простился ты на роковом перекрестке, где так темно, холодно и страшно [Сологуб, 1991].

Она несет с собой тайну загробного мира, о чем говорится в третьей строфе стихотворения:

Моих коснется плеч.
Приникнет в тайне бездыханной.
Потом затопит печь
И тихо сядет ждать за ванной [Сологуб, 1999, с. 371].

Тема смерти еще более откровенно проступает в четвертой строфе:

Звонящие струи
Прольет, открыв неспешно краны,
И брызнет на мои
Легко означенные раны [Там же].
После евангельских ассоциаций открывающиеся краны производят впечатлительные анахронизмы. Упоминание этого достижения современной цивилизации пере-

водит читателя из исторического и метафизического времени в план обыденного и прозаического настоящего. Кран – совершенно непоэтический образ, так же как и ванна в предыдущей строфе. Подобное сочетание поэтического и бытового позволяет сделать более наглядным пересечение разнородных сфер бытия и, соответственно, разнородных пластов времени. Так история и вечность проникают в самую сердцевину повседневного существования в настоящем.

Пятая строфа, завершающая вторую часть стихотворения, вносит окончательную ясность по поводу происходящего:

И дверь мою замкнет,
И тайной зачарует стены,
И томная войдет
В мои пустеющие вены [Сологуб, 1999, с. 372].

Речь идет о вскрытии вен в ванной. Такой способ ухода из жизни был распространен еще в Древнем Риме. Самый известный римский самоубийца – Сенека, вскрывший себе вены по приказу Нерона. Тацит сообщает, что кровь долго не выходила из жил философа и, чтобы ускорить конец, его положили в ванну: «Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоявших вблизи рабов со словами, что совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю» [Тацит, 1993, с. 294]. Так еще раз повторяется образ крови, смешанный с водой. Появляется дополнительная смысловая коннотация: к смерти Христа прибавляется смерть Сенеки. И все это соединяется со смертью героя, вскрывающего вены в ванной (снова кровь смешивается с водой).

Сологуб обращался к Риму периода Империи и в других своих текстах. Например:

Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславленным
Клонился долго гордый Рим [Сологуб, 1999, с. 315].

Время правления Нерона известно жестокими гонениями на первых христиан и общим упадком римского духа. Это период декаданса, когда к закату приближалась вся античная культура. Внешний блеск не в силах прикрыть внутреннюю пустоту, воплощением которой является Нерон:

В сиянье cesарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взгляд его пустой [Там же].

Так в очередной раз происходит перекрещивание временных пластов: время жизни и смерти героя стихотворения (а в тексте указана точная дата: 30 марта 1907 г.) сливается и со временем распятия Христа, и с временами бесславного царствования римского тирана. Создается синтетический образ периода упадка и торжества нигилизма⁹.

Следует обратить внимание, что существует и непосредственная связь между самоубийством и распятием. В Древнем Риме суицид считался преступлением,

⁹ Тема падения Рима также имеет пушкинское происхождение (см. стихотворение А. С. Пушкина «Лицинию»).

и одним из предусмотренных видов наказания было распятие трупа [Калинченко, 2010].

Кроме того, самоубийство – один из центральных мотивов декадентской эстетики. Растворение в смерти и в бессознательном, воплощенном в образе лунной Лилит, приобщение к тайнам загробного мира – все это представляет собой способ радикального отрицания существующего мира, нигилизм. Но нигилизм является также и необходимым спутником роста, он предваряет переход на новый уровень утверждения жизни и образование новых смыслов и ценностей. Нигилизм есть необходимое следствие движения вперед: сама жизнь выходит за свои пределы, полагает новые горизонты, оставляет старое позади. «Отбросы, упадок, отбраковка – во всем этом нет ничего такого, что уже само по себе заслуживало бы осуждения: это необходимое следствие жизни, жизненного прироста. Появление декаданса столь же необходимо, как и любой подъем или развитие жизни» [Ницше, 2006, с. 236]. Это сумерки, сгущающиеся перед наступлением новой утренней зари.

В третьей части стихотворения Сологуб обращается к утверждению жизни посредством идеи вечного возвращения. Завершающая строфа в зеркальной симметрии повторяет первую – таким образом, что последние строки стихотворения совпадают с первыми:

С водой смешаю кровь
Устам, иссякнувшим от жажды.
Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды [Сологуб, 1999, с. 372].

Благодаря кольцевой композиции достигается зримое воплощение вечного возвращения. Эта идея представлена не только на уровне содержания стихотворения, но и на уровне организации текста. После мрака декаданса второй части вновь звучат жизнеутверждающие мотивы.

В «Так говорил Заратустра» есть сцена диалога между Заратустрой и Жизнью:

«Ты думаешь о том, о Заратустра, я знаю это, что ты хочешь скоро покинуть меня!»

«Да, – отвечал я робко, – но ты ведь знаешь...» И я сказал ей нечто на ухо, прямо в ее спутанные, желтые, безумные пряди волос.

«Ты знаешь это, о Заратустра? Этого не знает никто...» –

И мы смотрели друг на друга и глядели на зеленый луг, на который набегал прохладный вечер, и плакали вместе. – И жизнь была тогда мне милее, чем когда-либо вся мудрость моя [Ницше, 2007, с. 231].

Так посредством идеи вечного возвращения достигается торжество жизни над смертью – не через отрицание смерти, но через утверждение жизни, которая возвращается вопреки смерти.

Трехчастная композиция стихотворения Сологуба (где вторая часть является антитезой первой, а третья вновь утверждает первую) заставляет вспомнить пушкинское «Я помню чудное мгновенье...» [Пушкин, 1960, т. 2, с. 89]. Композиционная организация этого стихотворения совпадает с текстом Сологуба. Только у Пушкина распределение частей пропорционально по объему: по две строфы на каждую часть. И нет полного совпадения первой и последней строф (хотя пятая строфа почти полностью воспроизводит первую). Таким образом, пушкинский текст можно считать непосредственным прототипом текста Сологуба: как на уровне содержания, так и на уровне композиции. Через мрак отчаяния возвра-

щается мгновенье высшего утверждения существования, момент наивысшей полноты бытия¹⁰.

Идею вечного возвращения можно эксплицировать и в других лирических произведениях Сологуба. Так, в стихотворении 1912 г. «Смеется ложному учению...» вечное возвращение связывается уже не с христианством, но с античностью. Стихотворение имеет ту же зеркальную композицию, когда последняя строфа воспроизводит первую. Прототипом этого текста также является пушкинское «Я помню чудное мгновенье...».

Первая строфа сразу же вводит главную тему – мотив вечного возврата:

Смеется ложному учению,
Смыкает вновь кольцо времен
И, возвращаясь к творенью,
Ликует Аполлон [Сологуб, 1999, с. 410].

Особого внимания заслуживает пушкинское «вновь» во втором стихе. Это временное наречие задает концептуальный горизонт для развития всего идейно-образного содержания стихотворения. «Ложное учение» – это в данном контексте христианство с его линейной концепцией времени. Ему противопоставляется языческое понимание времени как смыкающегося кольца, кольца вечного возвращения.

Последующие четыре строфы дают картину утраченного языческого существования на лоне природы – существования беззаботного и беспорочного:

Не зная ничего о ради
И о загадках бытия,
Невинным пастушком в Аркадии
Когда-то был и я.

И песни я слагал веселые
На берегу лазурных вод,
И предо мной подруги голые
Смыкали хоровод.

Венки сплетали мне цветочные,
И в розах я, смолянокудр,
Ласкал тела их непорочные,
И радостен, и мудр.

Но вот во мглу я брошен серую,
Тоскою тусклой обуян,
Но помню все и слепо верую –
Воскреснет светлый Пан [Там же].

Пятая строфа явно перекликается с текстом Пушкина:

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты [Пушкин, 1960, т. 2, с. 89].

¹⁰ Аналогичную композиционную структуру имеет также повесть (симфония) А. Белого «Возврат», посвященная идее вечного возвращения.

Заключительная строфа стихотворения Сологуба дублирует первую, но с одной значимой вариацией – наклонение всех глаголов с изъявительного меняется на повелительное:

Посмейся ложному учению,
Сомкни опять кольцо времен
И научи нас вдохновению,
Воскресни, Аполлон! [Сологуб, 1999, с. 411]

Теперь вечное возвращение – это не самостоятельное событие, но личная воля героя стихотворения. Вечное возвращение утверждается волевым актом субъекта – это воля к вечному возвращению.

Слово «вдохновение», отсутствовавшее в первой строфе, представляет собой прямую отсылку к «Я помню чудное мгновенье...»: «Без божества, без вдохновенья» (четвертая строфа); «И божество и вдохновенье» (шестая строфа). Воскресающее божество («И для меня воскресли вновь...») есть также и у Сологуба: это Аполлон. С учением Ницше об аполлоническом и дионисийском начале Сологуб, безусловно, был знаком. Это учение составляло одну из теоретических основ русского символизма. В 1904 г. уже вышла программная статья Вячеслава Иванова «Ницше и Дионис» [Ницше: Pro et contra, 2001, с. 794–805].

В 1916 г. Сологуб пишет стихотворение, в котором переплетаются центральные мотивы его лирики:

Только мы вдвоем не спали,
Я и бледная луна.
Я был темен от печали,
А луна была ясна.

И луна, таясь, играя,
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.

Но, восторгом опьяненный,
Я взметнул мою луну
От земли, в нее влюбленной,
Высоко на крутизну.

Что порочно, что безгрешно,
Вместе все луна сплела, –
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя – светла [Сологуб, 1999, с. 461–462].

Здесь снова появляется луна – лунная Лилит. Снова представлены элементы декадентской эстетики и их преодоление. Если предыдущее стихотворение было посвящено Аполлону, то в рассматриваемом тексте речь идет о Дионисе. В третьей строфе представлен мотив дионисийского восторга и опьянения, приводящего к устранению границ между порочностью и невинностью. И наконец, в последнем стихе восходит к пушкинской реминисценции светлой печали. Так через повторение мотивов утверждается вечное возвращение в поэзии. Сама поэзия и есть вечное возвращение – воля к возвращению смысла и полноты бытия.

Количество стихотворений, посвященных теме вечного возвращения, в творческом наследии Федора Сологуба достаточно велико. Если собрать все эти тек-

сты вместе, получился бы отдельный сборник стихов. Вот, например, одно стихотворение из неопубликованных при жизни поэта материалов (написано в 1923 г.):

– Земля мила, хоть и сурова,
Ну, а каков-то будет рай?
– Увидишь правду без покрова,
Лишь поскорее умирай. –

– Но самовольство в бездну ада
Влечет кратчайшей из дорог. –
– Да, в жизни все изведать надо.
Конец путям укажет Бог. –

– А если там ни адских стонов,
Ни райских ликований нет? –
– Все не беда: сто миллионов
Промчится над вселенной лет,

И повторится вновь все то же,
Такие ж небо и земля.
Все, что могильный червь изложет,
Возникнет, Господа хваля ¹¹.

Здесь идея вечного возвращения сочетается с хвалой Всевышнему и верой в провидение Творца. Фактически Сологуб осуществляет попытку объединить в одном контексте языческое (к которому был обращен и Ф. Ницше) и христианское понимание бытия. Такое парадоксальное соединение было возможно только в мифопоэтической вселенной, создателем которой являлся сам поэт. Эти стихи говорят о том, что поэт всегда находился в пути: от христианской веры в Бога через нигилизм, декадентство, порою доходящее до откровенного сатанизма, он приходил к идее вечного возвращения; а от нее снова обращался к Богу. Так, в стихотворении 1926 г. (почти за год до смерти) мы снова находим подобное сочетание:

Я становлюся тем, чем был.
Мы жили все до колыбели,
И бесконечный ряд могил
Начало приближает к цели,
И замыкается кольцо,
На век начертанное строго,
И проясняется лицо
Владыки светлого чертога [Сологуб, 2002].

Таким образом, завершая исследование, можно сделать вывод, что идея вечного возвращения является центральным мотивом лирики Ф. Сологуба. Столь пристальное внимание поэта к этой идее ставит под вопрос сложившийся образ Сологуба-декадента. Да, он знал бездонное отчаяние, в котором доходил до крайнего нигилизма. Но он всегда активно искал пути преодоления этого нигилизма и в качестве одного из таких путей видел идею вечного возвращения.

¹¹ Сологуб Ф. К. Полное собрание стихотворений. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/104338/768/Sologub_-_Polnoe_sobranie_stihotvoreniiii.html (дата обращения 16.06.2015).

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф.* Эстетика: В 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2007. 604 с.
- Григорьева Е.* Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник. Вып. XV. Тарту, 2000. С. 108–149.
- Делез Ж.* Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.
- Калинченко Е. С.* Социально-философские аспекты проблемы суицида // *Credo new*. 2010. № 3. С. 9.
- Кокурина М. В.* Мотив «вечного возвращения» в лирике Ф. Сологуба // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы междунар. науч. конф., Москва, май 2012 г. М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 13–15.
- Компанеев В. В., Степаненко К. А.* Философия Фридриха Ницше и русский футуризм // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 23–27.
- Кондаков И. В., Корж Ю. В.* Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 176–186.
- Мережковский Д. С.* Вечные спутники. СПб.: Наука, 2007. 902 с.
- Ницше: Pro et contra: Антология / Ю. В. Синеокая и др. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 1076 с.
- Ницше Ф.* Черновики и наброски 1887–1889 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006. 656 с.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
- Ницше Ф.* Юный Ницше: Автобиографические материалы. Избранные письма. Из ранних работ. 1856–1868 / Сост. В. М. Бакусев. М.: Культурная революция, 2014. 304 с.
- Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / Вступ. ст., коммент., ред. М. М. Павловой. М.: НЛЮ, 1997. 576 с.
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3. М., 1960. 544 с.; Т. 2. М., 1960. 780 с.
- Синеокая Ю. В.* Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: Сб. ст. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 7–34.
- Слободнюк С. Л.* Холодный сумрак бытия: Творимая легенда Федора Сологуба. СПб.: СПбГПУ, 2011. 231 с.
- Сологуб Ф. К.* Творимая легенда. М.: Современник, 1991.
- Сологуб Ф. К.* Лирика. Минск: Харвест, 1999.
- Сологуб Ф. К.* Собрание стихотворений. Т. 7. СПб.: Навьи Чары, 2002. 624 с. URL: http://www.fsologub.ru/lib/poetry/poetry_1437.html (дата обращения 16.06.2015).
- Тацит К.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. СПб.: Наука, 1993. 736 с.
- Фаритов В. Т.* Поэзия как воля к вечному возвращению: Пушкин и Тютчев // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 6(32). С. 151–160.
- Философия жизни в русской литературе XX–XXI века: От жизнестроения к витальности: Коллективная моногр. / Под ред. И. И. Плехановой. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2013. 485 с.
- Хайдеггер М.* Ницше. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2006. 604 с.
- Хайдеггер М.* Ницше. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2007. 440 с.
- Юнг К. Г.* Об архетипе и особенно о понятии Анима // Бог и бессознательное / К. Г. Юнг. М.: Олимп, 1998. С. 99–122.
- Nietzsche F.* Jenseits von Gut und Böse // Nietzsche F. Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Brief: Based on the critical text by G. Colli and M. Montinari. Ber-

lin; N. Y.: De Gruyter, 1967. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/JGB> (дата обращения 16.06.2015).

V. T. Faritov

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russian Federation
vfar@mail.ru

**The idea of eternal return and nihilism in lyrics of F. Sologub:
sanguine et aqua**

The paper deals with the specific character of artistic realization of the idea of eternal return and nihilism in the lyrics of F. Sologub. The idea of eternal return appears as the central motif of the lyrics of Sologub, the main role of which is to overcome the nihilism and decadence aesthetics. The connection of this idea with Christian and pagan motifs is explicated on the material of individual poetic text analysis. The eternal return motif in the lyrics of F. Sologub in relation to the lyrics of A. Pushkin is revealed. While working with poetic texts, the methodological approach of motif analysis proposed by B. M. Gasparov is used. The author pays special attention to the explication of the philosophical aspects of poetry of F. Sologub. The Nietzschean motifs in F. Sologub's lyrics are analyzed in details. Also, account is taken of the conceptual developments in modern philosophy.

Keywords: Sologub, the eternal return, nihilism, decadence, Pushkin.

DOI 10.17223/18137083/56/10

References

- Delez Zh. *Nitsche i filosofiya* [Nietzsche and Philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 2003, 392 p.
- Faritov V. T. Poeziya kak volya k vechnomu vozvrashcheniyu: Pushkin i Tyutchev [Poetry as the will of the eternal return: Pushkin and Tyutchev] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2014, no. 6 (32), pp. 151–160.
- Grigor'eva E. Fedor Sologub v mife Andrey Belogo [Fyodor Sologub in the myth of Andrei Bely]. *Blokovskiy sbornik*. Issue XV, Tartu, 2000, pp. 108–149.
- Hegel G. W. F. *Estetika: V 2 t.* [Aesthetics: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka, 2007, 604 p.
- Kalinchenko E.S. Sotsial'no-filosofskie aspekty problemy suitsida [Social and philosophical aspects of the problem of suicide]. *Credo new*, 2010, no. 3, p. 9.
- Khaydegger M. *Nitsche* [Nietzsche]. Vol. 1, St. Petersburg, Vladimir Dal, 2006, 604 p.
- Khaydegger M. *Nitsche* [Nietzsche]. Vol. 2, St. Petersburg, Vladimir Dal, 2007, 440 p.
- Kokurina M. V. Motiv «vechnogo vozvrashcheniya» v lirike F. Sologuba [The motif of «eternal return» in the lyrics F. Sologub] *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Moskva, May 2012 g.* [Philology and Linguistics in modern society: materials of international scientific conference, Moscow, May 2012]. Moscow, Vash poligraficheskiy partner, 2012, pp. 13–15.
- Kompaneets V. V., Stepanenko K. A. Filosofiya Fridrikha Nitsche i russkiy futurizm [Friedrich Nietzsche Philosophy and Russian Futurism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2008, no. 7, pp. 23–27.
- Kondakov I. V., Korzh Yu. V. Fridrikh Nitsche v russkoy kulture Serebryanogo veka [Friedrich Nietzsche in Russian culture of the Silver Age]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2000, no. 7, pp. 176–186.
- Merezhkovskiy D.S. *Vechnye sputniki* [Eternal companions]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 902 p.

- Neizdannyy Fedor Sologub. Stikhi. Dokumenty. Memuary (Vstup. st., komment., red. M. M. Pavlovoy)* [Unpublished Fedor Sologub. Poems. Documentation. Memoirs (Intr., comm., ed.: M. M. Pavlova)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1997, 576 p.
- Nietzsche F. Chernoviki i nabroski 1887–1889 [Drafts and sketches 1887–1889]. In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Complete Works in 13 volumes]. Vol. 13, Moscow, Cultural Revolution, 2006, 656 p.
- Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse. In: Nietzsche F. *Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Brief: Based on the critical text by G. Colli and M. Montinari*. Berlin, N. Y., De Gruyter, 1967.
- Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra: Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. [Thus Spoke Zarathustra. A book for everyone and no one]. In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Complete Works in 13 volumes]. Vol. 4, Moscow, Cultural Revolution, 2007, 432 p.
- Nietzsche F. *Yunyy Nitsche: Avtobiograficheskie materialy. Izbrannye pis'ma. Iz rannikh rabot. 1856–1868* [Young Nietzsche: Autobiographical materials. Selected Letters. From early works. 1856–1868]. Moscow, Cultural Revolution, 2014, 304 p.
- Nitsche: Pro et contra: Antologiya* [Nietzsche: Pro et contra: Anthology]. Sineokaya Yu. V. etc. St. Petersburg, Izd-vo RKhGI, 2001, 1076 p.
- Plekhanova I. I. (ed.) *Filosofiya zhizni v russkoy literature XX–XXI veka: Ot zhiznestroeniya k vital'nosti* [Philosophy of life in Russian literature of XX–XXI centuries: from life building to the vitality.]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2013, 485 p.
- Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 3, Moscow: GIKhL, 1960, 544 p.
- Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 2, Moscow, GIKhL, 1960, 780 p.
- Sineokaya Yu. V. Vospriyatie idey Nitsche v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie [Perception of Nietzsche's ideas in Russia: the main stages, trends, value]. *Fridrikh Nietzsche i filosofiya v Rossii: Sbornik statey* [Nietzsche and Philosophy in Russia]. St. Petersburg, Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institute, 1999, pp. 7–34.
- Slobodnyuk S.L. *Kholodnyy sumrak bytiya: tvorimaya legenda Fedora Sologuba* [Cold twilight existence: created legend Fedor Sologub. S. L. Slobodnyuk]. St. Petersburg, SPbSPU, 2011, 231 p.
- Sologub F. K. *Lirika* [Lyrics]. Minsk, Kharvest, 1999.
- Sologub F. K. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Vol. 7. St. Petersburg, Nav'i Chary, 2002. 624 p. Available at: http://www.fsologub.ru/lib/poetry/poetry_1437.html (accessed 16.06.2015)
- Sologub F. K. *Tvorimaya legenda* [A legend being created]. M, Sovremennik, 1991.
- Tatsit K. *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Annaly. Malye proizvedeniya* [Works: in two volumes. Vol. 1. The annals. Small works]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 736 p.
- Yung K. G. Ob arkhetepe i osobenno o ponyatii Anima [About archetype and especially about the concept of the Anima]. In: *Bog i bessoznatel'noe* [God and the unconscious]. Moscow, Olimp, 1998, pp. 99–122.